

УДК 821.511.141-94
ББК 84(4Вен)-44
Ж79

Все права защищены.

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на обложке предоставлена фотобанком «Shutterstock»

Печатается с разрешения XXI.Szazad Kiado Kft

Перевод с венгерского — Гусев Ю.П.

Жолт, Агнес.

Ж79 Дневник Евы Хейман. / А. Жолт. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 192 с. — (*Холокост. Правдивая история*).

ISBN 978-5-17-163860-3

Дневник венгерской «Анны Франк» впервые публикуется на русском языке.

Страницы дневника охватывают полгода жизни Евы, начиная с февраля 1944 года, когда нацисты вторглись в Венгрию, а затем и в родной город девочки — Надьварад, и заканчивая в мае 1944 года, в день, когда Ева вместе с бабушкой попадают в Освенцим.

В октябре того же года, Ева попыталась сбежать из лагеря и спрятаться в бараке. Ее нашел Йозеф Менгеле, известный также как «Ангел Смерти». По рассказам очевидцев, он собственноручно затолкнул девочку в грузовик, направляющийся в крематорий. 17 октября 1944 года жизнь Евы оборвалась.

После публикации дневника мать Евы Агнес Жолт покончила с собой.

УДК 821.511.141-94
ББК 84(4Вен)-44

ISBN 978-5-17-163860-3

© Zsolt Agnes and XXI.Szazad Kiado Kft, 1949
© Ю.П. Гусев, перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

Ева, доченька

Дневник Евы попал ко мне в 1945 году, когда я вернулась в Надьварад¹. Сберегла его Маришка Сабо, которая долгие годы служила у нас кухаркой. Я — мама Евы, но звала она меня — Аги. Людская злоба, звериная жестокость, царившие в том аду, каким было в 1944-м году надьварадское гетто, разлучили нас друг с другом. Меня увезли в Берген-Бельзен, позже моя судьба повернулась к лучшему, я оказалась в Швейцарии, а Ева 17 октября

¹ Надьварад (часто — Варад) — венгерское название города Орадя в Трансильвании. До 1919 г., как и вся Трансильвания, относился к Венгрии, В 1940 г., по решению Венского арбитража, Северная Трансильвания, в том числе Надьварад, была возвращена Венгрии, туда вошли венгерские войска. Но в 1945 г. Северная Трансильвания опять отошла к Румынии. В начале XX века венгры составляли около 90% населения города, в конце столетия — около трети.

1944 года погибла в Аушвице¹. С того дня, как ее подругу, маленькую Марту Мюнцер, еще в 1941 году, буквально оторвав от клубники со сливками, посадили в вагон, — Ева внутренне очень изменилась. У нее появилось навязчивое убеждение, что ее, да и всех, кого она любит, ждет такой же удел. Очень трудно было отвлечь ее, эмоциональную, чрезвычайно умную, от подобных мыслей, ставших едва ли не навязчивой идеей.

В какой-то мере — это видно из дневника — нам удалось, с помощью аргументов, в то время еще казавшихся логичными, примирить ее с жизнью. Однако боль, которую вызвала в ее сознании судьба Марты, оставила у нее в душе глубокие следы, и 19 марта 1944 года, когда немцы оккупировали Венгрию, образ подруги, очаровательной девочки, обожающей танцевать, вновь кошмарным видением возник перед нею, и вплоть до 3 июня — когда ее тоже затолкали в вагон и увезли в Польшу — она несколько раз в день вспоминала Марту и принималась рыдать. Жизнь Евы оборвалась 17 октября 1944 года. 6 июня, в тот самый день, когда союзные войска впервые

¹ Аушвиц — немецкое название Освенцима.

ступили на землю Европы, высадив десант в Нормандии, Ева прибыла в Освенцим. Как многие миллионы других несчастных, она прошла через все ужасы концлагеря. По рассказам выживших свидетелей, она, несмотря на физические и душевные страдания, ни на мгновение не теряла воли к жизни, — этим объясняется, что ее физическое состояние, по сравнению с состоянием окружающих, оставалось, можно сказать, удовлетворительным. Двоюродная ее сестра и подруга, Марица Кечкемети, которую Ева не раз упоминает и в своем дневнике, умерла (также по свидетельству выживших) буквально у нее на руках, но воля к жизни и после этого не покинула Еву. Она делала все, на что способен человек в тринадцатилетнем возрасте, чтобы уцелеть и дождаться прихода того времени, о котором мечтали в аду фашизма окружающие ее люди. То есть эта тринадцатилетняя девочка, почти ребенок, боролась за свою жизнь так, что довольно долго противостояла потерявшим человеческий облик палачам Третьего Рейха; но, конечно, зверь в конце концов одолел ее. Чудовище, которое стало непосредственной причиной ее смерти, звали Менгеле. Не стану

объяснять читателю, кто такой Менгеле: думаю, нет на земле человека, кто не содрогнулся бы, услышав это имя. К стыду человечества, он получил диплом врача, и, как рассказывали знавшие его, голос его был подобен звукам органа. Выглядел он как какой-нибудь мифологический бог. Менгеле сортировал сотни тысяч депортированных, отбирая тех, кого тут же посылал на смерть в газовой камере. И отдельно — тех, кого приговаривал к жизни.

Жизнь, которую оставлял людям Менгеле, тоже не нуждается сегодня в каких-то описаниях. Так что Ева, находясь в освенцимском лагере «С¹», под столбами поднимавшегося из труб крематория дыма, вплоть до 17 октября жила той жизнью, какую определил ей Менгеле. А 17 октября 1944 года, очевидно, подгоняемый известиями о стремительном приближении освободительных русских частей, Менгеле провел свою последнюю и самую масштабную селекцию. Если прежде он, своим знаменитым дирижерским жестом, направлял несчастных, бесконечной вереницей проходивших перед ним, направо или налево, то 17 октября он, уже не удовлетворяясь теми

¹ Вероятно, автор имеет в виду лагерь Освенцим III (Аушвиц 3).

жертвами, которых пригнали его прислужники, сам отправился разыскивать спрятавшихся. А Еву действительно спрятала в каком-то бараке одна добросердечная женщина-врач. Менгеле без особых трудностей наткнулся на Еву, которая, к своему несчастью, подхватила паршу, и ноги у нее были покрыты струпьями. «Смотри-ка, — закричал Менгеле, — ты еще и запаршивела, лягушонок. Марш на грузовик!» Человеческий материал для своих крематориев Менгеле возил на грузовике, выкрашенном в желтый цвет. По рассказам свидетелей, Менгеле собственноручно втолкнул девочку в кузов. То, чего она боялась с 1941 года, свершилось: жизнь тринадцатилетней Евы в этот день закончилась.

Агнес Жолт

Будапешт, 1947.

Санаторий на горе Свободы

13 февраля 1944 года

Сегодня мне тринадцать лет, родилась я тринадцатого числа, в пятницу. Аги очень суеверна, хотя старается не показывать этого. Это первый мой день рождения, который я провела без Аги. Я знаю, у нее будет операция, но все равно она могла бы приехать. В Вараде хороших врачей тоже можно найти. В общем, в мой тринадцатый день рождения ее нет дома. Аги сейчас счастлива: дядю Белу как раз выпустили из тюрьмы. Аги очень любит дядю Белу, я тоже его люблю. Бабушка говорит, Аги никого больше не любит, только дядю Белу, а меня — нет. Но я в это не верю. Наверно, когда я была маленькая, она меня не любила, а сейчас любит. Особенно с тех пор, как я пообещала, что, когда вырасту, буду фотокорреспондентом и выйду замуж за англичанина, арийца. Дедушка говорит: к тому времени, когда я соберусь выйти замуж, будет все равно, кто мой муж, ариец или

13 февраля 1944 года

9

еврей. Дедушка даже считает, что слово это, «ариец», тогда забудут. Я так не думаю, потому что хорошо всегда будет тому, кто ариец. Даже если евреев уже не станут посылать на Украину, как дядю Белу или варадских богатых евреев, и не будет больше «еврейских законов». Аги всегда говорит, что после войны их точно не будет, но она раньше всегда говорила, что немцы проиграют войну. Она так считала и два года назад, летом, когда дядю Белу забрали на Украину. Наверно, тот день я никогда не забуду. Сейчас я как раз думаю: до чего же много случилось со мной такого, что я буду помнить, даже когда вырасту и когда стану старой. Милый мой Дневничок, ты уже был, когда дядю Белу увезли на Украину, но я тогда была еще маленькой и не написала подробно, как это было. Но теперь, когда можно сказать: «все хорошо, что хорошо кончается», и когда дядю Белу выпустили из тюрьмы, которая на проспекте Маргит, я как-нибудь опишу этот день. Но было и такое, чего я еще никогда в тебе не писала, потому что тогда, Дневничок, тебя еще не было, да и я совсем была маленькой. Например, как нацисты увозили Марту в Польшу. И еще как ушли отсюда

румыны, а Миклош Хорти¹ на белом коне проехал по главной улице, и я смотрела на него из окна аптеки. Аги очень сердилась, увидев, как я помахала Хорти рукой, и сказала, что этот Хорти убивал на Балатоне евреев², когда сама она была еще ребенком. Я обиделась на Аги: зачем она говорит такое про наместника, у которого внук — такой красавец. Но вскоре после этого у дедушки хотели отобрать аптеку. Я тогда поняла, что Аги была права, когда назвала Хорти убийцей. Видишь, мой Дневничок, я и про то тебе еще не писала, что венгры чуть не отобрали у дедушки аптеку. Дедушка говорит, что это Аги помогла уладить это дело, но, по словам бабушки, дедушка просто дал кому-то много денег и так сохранил аптеку. Ты, Дневничок, конечно,

¹ Миклош Хорти — правитель (регент) Венгрии в 1920–1944 гг., вице-адмирал. Въехал в Будапешт на белом коне в 1919 г., когда оттуда ушли румынские войска, помогавшие в разгроме Венгерской Советской республики 1919 года. Повторилась ли эта сцена в Надьвараде, в те дни, когда Северную Трансильванию заняли венгерские войска, установить не удалось.

² В 1919 г. Хорти командовал силами, которые противостояли венгерской Красной армии; с его именем связан белый террор, бушевавший в Венгрии в 1919–1920 гг.

13 февраля 1944 года

11

не знаешь, кто это такой — витязь¹ Сепешвари, который так обошелся с дедушкой; потом я тебе все расскажу. Дядя Бела тогда сказал, что какой-нибудь Попеску или Ионеску никогда бы так не поступили, как поступил этот «витязь». Бабушка говорит, она румын все равно терпеть не может, но Аги и дедушка их любят, только бабушке этого не говорят, потому что боятся. Я дядю Белу об этом спросила, но он ответил, что обобщать не стоит и что для нас, евреев, трагедия в том, что если, например, Эмиль Адорьян, который в Вараде самый богатый человек, скопит много денег, то арийцы и меня возненавидят, потому что я тоже еврейка, хотя у меня-то никаких денег нет. Все свои карманные деньги я трачу на подарки ко дню рождения; правда, мне тоже подарки дарят, и на день рожденья, и на Рождество. В этом году Аги и на Рождество не приезжала домой, а я в Пешт² не могла поехать, потому что болела. Перед праздником Аги позвонила и сказала, что не может же она дядю Белу бросить в тюрьме одного; хотя он там вовсе не один, там, в военной тюрьме

¹ Витязь — наследственный дворянский титул (vitéz — буквальное значение «рыцарь»), учрежденный Миклошем Хорти в 1920 г. Сам Хорти также был обладателем этого титула.

² Будапешт венгры часто называют Пешт.

на проспекте Маргит, 87, с ним много евреев сидит. Я тоже написала туда дяде Беле письмо, а на его день рождения, 8 января, послала еще и фотографию. Папа сказал, чтобы я на конверте написала: Беле Жолту, заключенному. Но я не послушалась и написала: господину Беле Жолту. Я боялась, иначе он обидится. Дедушка сказал, раньше в тюрьму сажали только тех, кто украл, или убил, или обманул, и это был ужас какой позор, а теперь этим гордятся. Дедушка вот прямо гордится, что его зять четыре месяца отсидел в тюрьме. Дядя Шапира, учитель французского в нашем лицее, сказал мне на большой перемене, что дядя Бела благодаря этому, может быть, станет большим человеком, когда война кончится. Дядя Бела и сейчас большой человек, он очень много книг написал, только мне их читать не разрешают, мол, ты их все равно не поймешь. Хотя я вот читаю же Мора Йюкаи и Кальмана Миксата, да и у Шекспира всё понимаю. Раньше дядя Бела писал передовые статьи в газете «Уйшаг», но их я в самом деле не понимаю. Правда, тогда я была совсем маленькая; а позже, из-за еврейских законов, статьи на первой странице стали писать другие. Но это я уже и не пыталась читать.

Раньше на дне рожденья у меня всегда были гости, но в прошлом году ко мне пришли

13 февраля 1944 года

13

только две лучшие подружки: Марица Кечкемети, моя двоюродная сестра, и Анико Пайор; ну, и Аги была, конечно. Бабушка сказала, она не позволит нам устраивать целый прием, а то соседи скажут, ишь, дескать, у еврейских детишек — прямо пир горой. Правда, у нас христианка только Маришка, наша кухарка, и еще Юсти, гувернантка. Но они такого, конечно, не скажут. Маришка, та и раньше всегда служила в еврейских домах, потому что там прислуга ест то же, что и хозяева. Маришка говорит, это у арийцев прислуге другая еда положена, а она терпеть такого не может. Юсти же обожает евреев, она в свое время еще Аги воспитывала, вообще она всегда у нас была. Юсти я люблю больше всего на свете, даже, может быть, больше, чем Аги. Юсти — немка, вернее, австриячка, мать у нее живет в Книттельфельде, но она все равно больше всего на свете ненавидит немцев, то есть не немцев, а Гитлера и его приспешников, они все нацисты, а лучше сказать — эсэсовцы. Сегодня Юсти целый день будет у нас. С тех пор как Фольксбунд запретил ей жить у евреев, она пошла гувернанткой к двум маленьким арийцам на хутор. Знаешь, милый мой Дневничок, тот день тоже невозможно забыть, когда Юсти, по распоряжению Фольксбунда, пришлось расстаться с нами и уехать на хутор,

к семье Порослаи. Прошлым летом я несколько дней провела у них на хуторе, и дядя Порослаи со мной разговаривал очень ласково, но Юсти знает, что он евреев ненавидит. Тетя Порослаи евреев не ненавидит, потому что она очень набожная католичка, дядя Порослаи тоже католик, но все-таки ненавидит, хотя мне он этого и не показывал. К ним вдруг приехали гости, и Юсти тут же меня увела из дома, потому что там были секретарь управы и учитель, и они прямо при мне стали ругать евреев, жидами их называли. А еще я случайно услышала, как дядя Порослаи сказал тете Боришке, жене своей, что я пока что очень миленькая девчушка, а когда вырасту, еврейская порода вылезет наружу. Я, правда, так не думаю, потому что папа мой, Бела Хейман, он точь-в-точь как ариец. Такой же стройный, высокий, с голубыми глазами, как в «Сигнале»¹ — типичные арийцы. Мой красивый, голубоглазый папа даже теперь, все еще, любит венгров и арийцев, и в кондитерской «Яппорт» он часто сидит с ними за одним столом. Папа в самом деле выглядит как ариец, он очень красивый, но Аги его не любила, вот почему они разошлись. Ты, Дневничок, ничего

¹ «Сигнал» («Signal») — глянцевого пропагандистского журнала, издававшегося в Германии на многих европейских языках в 1940–1945 гг.

13 февраля 1944 года

15

об этом, наверно, не знаешь, ведь это случилось девять лет назад, мне тогда было всего четыре года. Но я это все-таки помню, хотя и не так хорошо, как тот день, когда забрали Марту, она как раз была у нас, мы полдничали, а перед этим вместе катались на велосипеде. Завтра продолжу, только напишу еще, что мне подарили на день рожденья. Аги — золотой браслетик с голубой эмалевой вставочкой, этот браслетик ей отдала мама Дюрки Биро, жена д-ра Гезы Биро из Коложвара¹, потому что Дюрка, бедняжка, умер на Украине от сыпного тифа, а его старший брат, Фери Биро, пропал без вести, но тетя Биро надеется, что он жив, только находится в плену у русских. Аги говорила мне, под Воронежем венгров разбили и взяли в плен огромное количество солдат, ну и, конечно, тех, кто отбывал трудовую повинность на фронте, только Аги понятия не имеет, почему тогда война не кончилась. По радио каждый день в 4 часа бывает передача из России на венгерском языке, но в Пеште ее глушат. Однажды Аги была у нас и слушала эту передачу по нашему радио: как раз шел репортаж с первой партизанской

¹ Коложвар — венгерское название города Клуж-Напока в Трансильвании (Румыния).

линии, из Середина-Буды¹. Дядя Бела тогда был там, и по радио рассказывали, что в России таких людей, как Бела Жолт, в 50-градусные морозы не водят на тяжелую работу, они не подвергаются побоям, не голодают, они работают за письменным столом, как им и положено. Аги тогда ужасно плакала, бабушка и Юсти — тоже. Интересно, что мама дяди Бела слышала эту же передачу у себя в Комароме, она потом написала Аги, что тоже плакала, но она надеется, что Бог поможет дяде Беле вернуться домой. Я свою неродную бабушку никогда не видела, но Аги говорит, она старая, но очень красивая, умная и ласковая. Так что у меня три бабушки: Луйза Хейман, бабушка Рац и еще бабушка в Комароме. Бабушка Луйза — очень странная, я иногда ее очень люблю, а Аги считает ее сумасшедшей, как и всех Вейсловичей. Бабушку в девичестве звали Луйза Вейслович. Ее брат — дядя Эмиль Вейслович, которому принадлежит

¹ Середина-Буда — город на севере Украины, на границе с Россией. Во время Второй мировой войны, в годы немецкой оккупации, в городе был устроен концентрационный лагерь. Не очень понятно, что это был за репортаж, о котором написано в дневнике Евы, и при чем тут партизаны. Возможно, Агнес Жолт, обрабатывая дневник дочери, что-то перепутала.